

КИЕВ, СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

Вспоминается Киев — далекий-далекий, бурлящий политическими событиями, Киев 1917 года.

Дома не сиделось. Да разве усидишь, когда тебе восемнадцать, а в городе происходит невиданное! Стайкой сверстников мы с утра до вечера бродили по улицам, заполненным, как никогда прежде, множеством людей, громко говорящих что-то друг другу, восторженных и спорящих. Узнаем про митинг, открывшийся на соседней площади, и мчимся туда, чтобы послушать возбужденных ораторов. А к концу дня собираемся в своем кругу и горячо обсуждаем события.

Было ясно одно: царь Николай с престола сброшен, Россия стала республикой... Казалось, чего еще людям надо? Почему так яростны споры на митингах?

Уличный «университет» постепенно просветлял наши головы. Мы начали разбираться, какие партии за что выступают. Научились определять ораторов не только по одежке, но и по тому, как они оценивают революцию, как относятся к продолжающейся войне с Германией и Австрией. Если выступающий соловьем заливается о «желанной свободе» и «равноправии всех граждан», разглагольствует о «победоносной войне», значит, это буржуй или его прихвостень. Если человек скромно одет и утверждает: свержение самодержавия еще не дает подлинной свободы рабочим и крестьянам; равенства между богачом и бедняком быть не может; пролетариат должен взять власть в собственные руки; надо покончить с грабительской войной, принесшей народу невероятные бедствия, — это говорит большевик.

В те дни мы слушали немало ораторов, числящихся в социалистах, — меньшевиков, эсеров, а также националистов, болтавших о равенстве и братстве. Но все это

были пустые фразеры. И только большевики отстаивали подлинно революционную линию.

Среди киевских большевиков, несших в массы ленинскую правду, кипучей энергией и личным обаянием выделялся Ян Гамарник. Я много раз слушал его на митингах и проникся к нему искренним уважением.

В один из теплых июньских дней на Думской площади, рядом с возвышавшимся памятником царскому министру Столыпину (этому чудищу из прошлого!), собрались тысячи киевлян. Было это накануне задуманного Временным правительством «решительного» наступления на фронте, когда лидеры буржуазии и их союзники из соглашательских мелкобуржуазных партий старались заручиться поддержкой широких масс. От меньшевиков на митинге выступал некто Гинзбург. Выглядел он солидно, был хорошо одет, с риторикой в ладах. Затем появился эсер Рябцев — тоже отпетый демагог. Среди прочих на трибуну вышел модный в то время эсеровский агитатор поручик Башинский. Рука поручика была забинтована: это как бы подчеркивало принадлежность выступающего к «доблестным защитникам».

На все лады, не жалея голосовых связок, меньшевики и эсеры славословили Керенского и ругали Ленина. Речи краснобаев оказали влияние на какую-то часть собравшихся: послышались возгласы одобрения. Площадь, казалось, пришла в движение. Одни кричали: «Война до победного конца!», другие пели «Марсельезу», третьи тянули: «Спаси, господи, люди твоя...»

В этой до предела накаленной обстановке на импровизированную трибуну поднялся молодой человек среднего роста, в простом пиджаке и студенческой фуражке. Было объявлено: выступает представитель большевиков Ян Гамарник. И опять на площади поднялся шум: одни хлопали, другие свистели и улюлюкали. А крепко сложенный парень стоял невозмутимо, лицо его выражало спокойствие и уверенность. Выждав, пока гул приутих, он начал свою речь. Говорил просто, без выкриков и надрыва, глубоко убежденный, что рабочие и солдаты-фронтовики, к которым он прежде всего обращался, поймут его. Гамарник разоблачал политику Временного правительства, которое в угоду буржуазии продолжает империалистическую войну и ничего не делает для преодоления охватившей страну разрухи. Запомнились заключительные

слова оратора: «Мы, большевики, за мир без аннексий и контрибуций! Мир хижинам — война дворцам! Да здравствует товарищ Ленин!»

Чьи-то руки пытались стащить Гамарника с трибуны, но вокруг него мгновенно образовалось плотное кольцо сочувствующих рабочих и солдат. Сомкнув ряды, люди закричали: «Смело, товарищи, в ногу...» — и пошли вдоль улицы. На площади осталась жалкая кучка приверженцев Временного правительства, и митинг на этом оборвался.

Спустя некоторое время мне довелось быть на многолюдном митинге, состоявшемся на Софийской площади в связи с выборами в городскую думу. Атмосфера этого митинга оказалась еще накаленнее. Выступали красноречивые буржуазных партий — украинские националисты Порш, Винниченко, меньшевики Балабанов, Дрелинг и другие. Они уговаривали киевлян доверить только им бразды городского управления, не скупясь при этом на посулы, пускающая в ход всякого рода демагогию.

Я и мои друзья, находясь вблизи памятника Богдану Хмельницкому, где была сооружена трибуна, проявляли беспокойство: почему молчат большевики? Или их нет на митинге? Но вот рядом с председателем появляется знакомая фигура товарища Яна, и мы, чтобы лучше слышать, придвигаемся почти вплотную к трибуне.

Свист богатых молодчиков, визгливые выкрики «котелков» не дают Гамарнику говорить. И опять находятся люди, которые оттесняют крикунов, образуют вокруг большевистского оратора плотную защитную стену. Гамарник излагает предвыборную программу своей партии — немедленное заключение мира между воюющими государствами, решительная борьба с голодом и разрухой, пресечение спекуляции.

Говорил Ян Борисович ярко и убедительно. Он обладал каким-то особым умением влиять на слушателей. Что рабочие, солдаты понимали и разделяли его мысли — это ясно и так, без каких-либо пояснений. Но и среди других слоев населения — студентов, служащих и ремесленников — все больше и больше становилось сочувствующих большевикам: речи Гамарника притягивали людей своей правдой и неотразимой логикой. Словом, большевистская база в Киеве заметно расширялась. А это было теперь очень важно. Ведь за годы войны пролетарский отряд города ослаб. Многие кадровые рабочие, получившие клас-

